

ФИЛОСОФСКИЕ АПОРИИ ПРОЩАЛЬНОГО ПОЦЕЛУЯ

© 2016

А.Н. Фатенков

Предлагаемые вниманию читателя заметки посвящены недавно вышедшей книге нижегородского философа В.А. Кутырёва¹. Автор монографии обращается к антропологической ситуации в эпоху трансмодерна, когда человек, существо природно-культурное, становится почти уходящей натурой. Философская картина, адекватная нынешнему состоянию мира, представлена в книге результатом поступательной редукции: от субстанциальной онтологии через гносеологию и эпистемологию к когнитивистике, спекулятивно онтологизирующей информационно-знаниевые процессы, структуры и состояния. Человек, да и всякий субъект, излишен в этой матрице и в мире, который та будто бы репрезентирует. Вместе с естественно-разумным существом вытесняются на периферию существования и вербально оформленные смыслы, замещааемые операциями с цифрами, калькуляцией.

В рецензируемом труде, как и в предыдущих своих работах, В.А. Кутырёв весьма критичен по отношению к современным жизненным и интеллектуальным реалиям. И действительно, многие социально-культурные и экзистенциальные тенденции, тонко подмеченные философом и оцененные им как деструктивные, таковыми и являются. Опрометчивы — и в теоретическом, и в практическом ракурсе — их гиперболизация и абсолютизация, чего в “По-

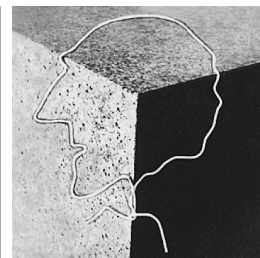
В. А. КУТЫРЁВ

Последнее
целование

Человек как традиция

следнем целовании” немало. Гипертрофированное, с оттенками фатализма, толкование негативной тенденции на практике выбивает почву из-под ног тех, кто еще готов к сопротивлению, и продуцирует массу невынужденных противоречий в теории. Оставив богатство собственно антропологических сюжетов книги ее читателям, сосредоточимся на небеспристрастном разборе общефилософских позиций ее автора.

Главный философский противник для В.А. Кутырёва — трансцендентализм. Опасения уважаемого коллеги во многом оправданы. Да,

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

**Фатенков
Алексей
Николаевич** — доктор философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Постоянный автор журнала. E-mail: kfa@fsn.unn.ru

¹ Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

выход из себя без возвращения к себе, постоянное пребывание вне себя хотя бы какой-то своей стороной ничего хорошего не предвещает. Но вот что странно: трансцендентальное (дистанцированные от субъекта информационно-знаниевые структуры) наш автор трактует однозначно отрицательно, а трансцендентное (Бога) — исключительно положительно. Если смыслы и знаки полностью отделены от субъекта, то они, похоже, не трансцендентальны, а трансцендентны, абсолютно запредельны по отношению к нему и, оказываясь таковыми, не могут быть им ни надежно опознаны, ни, тем более, верно оценены. Если, далее, постулируется существование Бога и мира, им сотворенного, то земная твердь вместе со всеми ее обитателями является тогда не чем иным, как трансцендентальностью высшего существа, и выпадает против нее и против трансцендентальности как таковой имеют вполне зримые культурные границы. В роли трансцендентального субъекта (кантианского толка) выступает и Бог, вышедший навстречу людям, и человек, ответивший взаимностью ему и / или себе подобным. В.А. Кутырёв, защищая на словах гегельянство, обрушивается на теоретические построения И. Канта. Но опять же: такой расклад естествен и логичен для имманентиста, для человека нерелигиозного склада, ведь в абсолютном идеализме Г.В.Ф. Гегеля места Богу точно не остается. И, наоборот, под именем “вещи самой по себе” теистический абсолют может найти надежное прибежище в онтологии кенигсбергского мыслителя. В монографии же последний именуется “убийцей Духа”. И это несомненный перебор в устах приверженца трансцендентности, ведь в ней духовное начало по преимуществу и может пребывать. (Впрочем, почти сразу немецкий классик частично амнистируется и переводится в разряд предтеч настоящих интеллектуальных убийц — постмодернистов.) Если же, вернувшись к исходной

развилке, допустить, что идеальное — в его содержании и формах, во всех его мировоззренческих и терминологических мутациях — лишь отчасти отделено от субъекта, лишь относительно автономно, то есть именно трансцендентально (а это более чем очевидно и необходимо для существования человеческого общества, для общения хоть чуть-чуть понимающих друг друга людей), то и незачем раньше времени паниковать. Разумеется, позиция прорицателя катаклизмов и бед беспроектная: печальные пророчества рано или поздно сбываются. Целесообразнее и ответственнее, однако, выписать реалистичный рецепт профилактических и терапевтических действий, посылно препятствующих надвигающейся опасности.

Согласно В.А. Кутырёву, трансцендентализм находит свое логическое завершение в постмодернистском дискурсе, в гипостазировании виртуальной реальности и когнитивных операций. Знаковой фигурой тут оказывается Ж. Делез, парадигмально заменяющий тождество различием, за которым, дескать, более ничего нет. Европейский философ лукавит, эпатируя читательскую аудиторию. Ведь различие, как его ни определяй, неизбежно предполагает наличие различающихся или / и различаемых кем-то предметов. На французский эпатаж наслаивается нижегородский. Наш автор подтверждает, что за различием действительно ничего больше нет, и в этом мы должны согласиться с Ж. Делезом. Но с какой стати? Кутыревская критика постмодернизма сама не свободна от постмодернистских придумок. Оба мыслителя чужды положительной диалектике, оба сторонятся идеи особенного как синтеза общего и единичного, сходства и различия. Один заслоняет особенное множественным, в пределе — различием единиц множества. Другой подчиняет особенное общему (что, надо признать, в духе традиционализма).

Оттого и человек в “Последнем целовании” нередко предстает суще-

ством весьма абстрактным, растворенным в родовой сущности: почти исключенным из классово-стратового социального контекста, напрямую и исключительно противопоставленным технике, ее устройствам и процедурам (включая формализуемые интеллектуальные процедуры).

Но невозможно всерьез бороться с натиском технократии, выстраивая оборонительные рубежи на методологии технологического детерминизма. Проклятия в адрес “умных машин” и механизмов симуляции оказываются здесь показушным выпусканьем пара, имитацией сопротивления. Бессмысленно апеллировать к материализму или иной неидеалистической философии, сокрушаться по поводу их нынешнего забвения, если, как зачастую прочитывается у В.А. Кутырева, рассматривать когнитивные техники в качестве приоритетно определяющих человеческое поведение и образ жизни. Эклектично-дырявой выглядит апология натурального человека, взывающая к трансцендентному Богу, по отношению к коему тварный мир вкупе со всеми его обитателями есть, в соответствии с идеей креационизма, заведомо несовершенный сверхъестественный, технический продукт.

Полемизируя с постмодернистами, В.А. Кутырев справедливо упрекает их в культе множественного, дифференцированного и собственно дифференциации (как акта и состояния), полагая одновременно необходимым, достаточным и желанным изначальное философское рассечение сущего на объект и субъект. Однако с весомой долей вероятности можно утверждать, что уже исходное, первичное расчленение реальности, на какие бы составляющие оно ни производилось, хотя бы на субъект и объект, неуклонно подталкивает к дальнейшим аналитическим операциям, вплоть до сколь угодно мелкой нарезки сущего. Нетруден и обратный переход: от множественного к дуальному. Наш автор, естественно, не заостряет на этом внимания, так как старается представить свою

позицию полярной по отношению к постмодернистской. Но вот что получается, например, у Ж. Делеза с Ф. Гваттари. Яростно критикуя бинаризм за его родство с иерархией, они в конце концов приходят к ординарной, в общем-то дуальной схеме, к оппозиции хорошего шизофреника и плохого параноика.

В.А. Кутырёв не против иерархии, но в еще большей степени бинаризм нужен ему как союзник идеи тождества и теории отражения. Обсуждаемая книга, в связке с текстами постмодернистов, заставляет внимательно присмотреться к проблеме соотношения принципа тождества ($A \equiv A$, $B \equiv B$) и принципа различия, частным случаем и первой конкретизацией которого является принцип неравенства ($A \neq B$). В самом ли деле тождество и различие суть антагонисты, нацеленные на вытеснение друг друга, или же они совместно участвуют в куда более любопытном логико-методологическом действе? Не исключено, что последнее вернее. И у В.А. Кутырёва, и у Ж. Делеза вопрос о тождестве сопряжен с вопросом о равенстве, точнее — о приравнивании чего-то одного к чему-то другому: возможно ли и желательно ли, и если да, то при каких условиях, чтобы справедливым оказалось выражение $A=B$? Для французского философа, как и для негативных диалектиков Франкфуртской школы, уравнивание одного другим крайне нежелательно, катастрофично — страховкой от чего и должна послужить несамотождественность членов выражения, то есть неравенство их отдельных состояний: ($A1 \neq A2 \neq \dots$), ($B1 \neq B2 \neq \dots$). Отечественный философ тоже против уравнивания одного (А) другим (В), он тоже за их различие, — необходимым условием чего является, уже напротив, тождественность каждого из элементов оппозиции самому себе.

Пусть так, пусть всегда и безусловно $A \neq B$. Но тогда надо совсем забыть не только о диалектике и о речке, которая “движется и не движется”, но и об истинностных притязаниях теории отражения, о содержательном

А.Н. Фатенков
Апории
прощального
поцелуя

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

равенстве познаваемого объекта и его субъективного образа. Неимоверные трудности, с которыми сталкивается гносеология отражения в матрице формально-логического бинаризма (равны-таки А и В или не равны?), в превратной форме всплывают при характеристике В.А. Кутырёвым состояния постмодерна: там копия оказывается то больше оригинала, то вовсе неотличимой от него. Декларируя, несмотря ни на что, радикальное отраженчество, выставляя его антиподом конструктивизма, мыслитель ставит себя в концептуально неловкое положение. Он бичует априоризм (за союзничество с трансцендентализмом) с позиции последовательного отраженца, не замечая, видимо, что расправиться с априоризмом и беспредпосылочностью мечтает и радикальный конструктивизм. Можно, конечно, вместе с нашим автором продолжать иронизировать по адресу конструктивного реализма, заведомо будто бы эклектичного. Однако факт остается фактом: любой великий, творческий реализм — критический, социалистический, фантастический, магический — непременно содержит в себе толику конструктивизма, находясь при этом, как правило, в ладах с человечностью и в лице ряда ярких своих представителей (скажем, Н.В. Гоголя и латиноамериканских прозаиков), органично сопрягаясь также с традиционализмом. Можно и дальше упрямо третировать перспективизм, но тогда и самому не следует забегать мыслью в завтрашний день и претендовать на универсальные, однозначные обобщения. А громя деконструкторов — на здоровье! — не стоит самому из раза в раз препарировать слово на морфемы, склеивая их затем посредством скобок и черточек.

Наконец, об упадке вербальной культуры, девальвации литеры и замещении ее цифрой. Удручающе, спора нет. Надо признать, однако, что виновато в том отчасти и само слово, вернее, произносящие и записывающие его. И не столько потому, что слишком велик сегодня общий

поток речей и писаний, сколько потому, что смелых слов кратное больше, чем смелых поступков. Этот упрек каждый вменяемый интеллеktуал рано или поздно начинает адресовать себе, после чего вправе распространить его и на окружающих. Я не подначиваю уважаемого Владимира Александровича подсыпать цианида — по примеру профессора философии из “Иррационального человека” Вуди Аллена — кому-то из когнитивистов. Не намекаю на то, чтобы коллега выбросил свой персональный компьютер с крыши многоэтажки. Но коли и вправду невтерпеж от экспансии виртуальной реальности, минимизируйте свое присутствие в Интернете... Чего проще?

Взглянув на обложку и название книги, с отдельными ее фрагментами был знаком ранее, сразу озадачился характером “кутыревского целования”. Неразрешенным до конца остался вопрос и по прочтении монографии. А тут еще провокативная репродукция “Поцелуя Иуды” как возможного иллюстративного итога повествования. Прощальные прикосновения, они ведь очень разные. Целомудренно-почтительные. Мудрено-предательские. Дежурно-бесчувственные. Страстные — с солонатово-сладким привкусом на губах. Требование чистоты форм нелепо: что в период вопиющей эклектики, что во все прочие человеческие времена. Жизнь сложнее, запутаннее и интереснее эйдетических структур и канонических образцов. И все же хотелось бы понять, как Владимир Александрович представляет себе чаемое им, надо думать, примирение непорочного поцелуя теистической традиции и французского поцелуя традиции натурализма? Традиционализм — его нижегородский философ отстаивает безоговорочно — не панацея от социальных и экзистенциальных бед. Он не гарантирует кulta совести, скрадывание которой превращает актуализацию традиции в мракобесие. Повседневность, увы, изобилует ныне его проявлениями.